

Олеся БРЮТОВА (г.Сургут Ханты-Мансийский автономный округ)

Вопрос твоего ответа

Нет ничего чудеснее тихого осеннего вечера, растворившегося в душевном уюте старинного города. Деревья стоят в печали и золоте; в их кронах вместо ветра запутался привычный городской шум, убаюкивающая гармония улицы. Воздух — как аромат домашнего ужина, и все прохожие — как старые родные знакомые, которые совсем тебе не знакомы и никогда не станут таковыми.

Вот потому-то они столь и милы тебе, неторопливо идущему — без цели и без забот по каменной мостовой какой-нибудь Людвигштрассе мимо знаменитого мюнхенского университета с его старинной церквушкой куда-то в сторону Швабинга, именуемого местным Монмартром...

И ты идешь, насвистывая что-то, и глазеешь по сторонам. А все ближе и ближе — к тебе и на тебя — движется величественная Триумфальная Арка, каменные Ворота Победы... Они наплывают, молчаливые и грозные, и на их вершине стоит женщина с холодным пафосным лицом Парки. Она сжимает привычной рукой вожжи своей упряжи, в которой навечно замерли, скалясь, четыре холёных льва, абсолютно равнодушные и к тебе, и к происходящему внизу.

Триумфальная Арка, Ворота Победы... Чьей победы? Чьего триумфа?

Тебе наплевать. Ведь ты — просто прохожий. И ты просто проходишь мимо нее.

Вечерний свет умирающего солнца очень трудно схватить живописцу. Получается либо слишком патетично, либо слишком тускло. Какая-то тонкая, все время ускользающая грань. Вот вроде бы — свет. А вот вроде — уже и отсутствие света...

Молодой художник, один из типичных осколков богемы, сидел перед этюдником, весьма погруженный в свою работу.

Перед ним к планшету был аккуратно пришпилен большой форматный лист дешевенькой акварельной бумаги, и оттуда на зрителя — уже вполне узнаваемо — глядел серый монолит мюнхенской триумфальной арки.

Молодой человек был так увлечен задачей сделать это сходство еще более явственным, что совершенно не заметил, как сам стал объектом пристального внимания.

Вот уже более часа невысокий господин средних лет, одетый неброско, но со вкусом,

стоял неподалеку и разглядывал художника весьма бесцеремонно.

Признаться, мне не вполне ясно, что же так заинтересовало господина в этой жалкой фигуре.

Щупленький скромный юноша лет двадцати-двадцати пяти, с грустным мечтательным и немного беспокойным взглядом. Острый птичий нос. Тонкие черные усики только усугубляют и подчеркивают общую блеклость. Какой-то унылый подбородок. Коротко стриженные волосы неряшливо торчат нелепым ежиком. Из рукавов ужасного куцевого пиджака выглядывают худые детские запястья...

И только, пожалуй, руки.

Да. Его руки заслуживают внимания.

Руки... о! При встрече с незнакомцем всегда и непременно в первую очередь смотрите на них. Они — а вовсе не глаза, и уж конечно не прическа и не пиджак — непременно расскажут вам все.

Руки этого мальчика без сомнения были созданы для того, чтоб сжимать кисть, перо или скрипку. Они никогда не знали лопаты, но явно нашивали черные перчатки самой тонкой и дорогой кожи. Также чудно смотрелась бы в этой руке тросточка из красного дерева с набалдашником из слоновой кости. Такие артистические пальцы хорошо смотрятся где-нибудь на золоченых перилах оперной лестницы, или машинально мнущие театральную программку... Сразу приходит на ум утонченная эстетика, романтика вечернего леса, какая-нибудь мистическая древняя легенда... долгая философская беседа за полночь. Нетрудно представить, как выразительными пальцами этой творческой руки ее владелец перебирает шелковистые женские волосы, или торопливо и азартно листает страницы увлекательного приключенческого романа.

Ну и что?.. Богемная среда полным-полна таких вот тонких и сложных мальчиков — эдакой божьей карой строгих отцов и баловней ласковых мамахен.

Так зачем же — и уже многим более часа! — странный господин не спускает с него темных и внимательных глаз?..

Шли бы вы, господин, своею дорогой.

Но видимо дорога господина непременно упиралась в этюдник молодого человека.

— Осмелюсь заметить... Вы немного исказили перспективу.

Мягкий вкрадчивый голос деликатно, но настойчиво выдернул художника из нездешнего мира его творческих проблем.

Юноша ищуще и растерянно оглянулся, однако весьма скоро обнаружил взглядом источник замечания.

Внимательному господину явно надоела роль молчаливого наблюдателя. Он приблизился вплотную и небрежно указал на рисунок бледным пальцем.

— Вот здесь, — негромко, но веско сказал он. — Видите? Арка неустойчива. Того и гляди — упадет.

Молодой человек на секунду задумался, отошел подальше, а потом обрадовано закивал:

— А ведь и верно!.. Да-да!.. А я ведь и не понял — почему... в чем дело. Никак не мог понять. Жаль, что ваше замечание уже бесполезно. Рисунок почти готов и скоро мне нужно будет унести его заказчику... да. Вы — учитель живописи?

Проницательные глаза молодого художника сразу же стукнулись о глухой барьер.

— Я — учитель, — тонко улыбнулись змеиные губы. — Этого вполне достаточно.

— Тогда неудивительно, — кивнул юноша, правда, скорее себе, чем собеседнику. — Неудивительно, что вы заметили ошибку. Потому что памятники — моя гордость. Я получал за них самый высокий балл... — тут художник, словно бы спохватившись, прибавил. — И не раз слышал похвалы в адрес своих работ.

— О, и они, безусловно, того заслуживают!.. — согласился незнакомец. — Вот только на мой вкус это более рисунок архитектора, нежели живописца.

— Да. Учитель живописи. Без сомнения, — холодно и сдержанно выговорил художник, растеряв всякую любезность. — Только это я от вас и слышу. Постоянно.

— А что же для вас неприятного в моих словах? — благодушно осведомился неизвестный.

Юноша ответил не сразу. Лицо его потемнело. Он выговорил с усилием, отвернувшись:

— А кто вы такой, чтоб при мне произносить слово «неприятность»?

Неумолимо, неотвратимо, плохо поддаваясь контролю, на каждое слово мальчика прибором накатывала усталая злость.

— Скамейки... скамейки в парке. Потом — ночлежка в Майдлинге. Вы ведь знаете, что такое «ночлежка», герр учитель?.. Хотя откуда вам знать... Ночлежка — это вши. Жирные вши. И жрал какие-то помои. Словно шелудивый бродячий пес. Работал на стройке. Мельдеманштрассе. Меннерхайм. Благотворительное учреждение в Вене, герр учитель. А здесь рисую рекламные объявления и почтовые карточки. И еще — вот это.

Тут рука парня нервно рванулась вперед, явно собираясь учинить расправу над собственной картиной, но была аккуратно перехвачена в воздухе.

— Не стоит, — ласково сказал тот, кто называл себя учителем. — Не стоит. Это сделать никогда не поздно.

Странно: поступок неизвестного хлестнул художника жестче, чем предыдущее критичное замечание. Рисунок, сорванный с мольберта, выпал из разжавшихся пальцев и плавно опустился на мостовую.

Вот тут-то плотину прорвало. Окончательно.

Вывернув руку из цепких пальцев незнакомца, молодой человек мешком рухнул на землю и спрятал в ладонях худое лицо, а его плечи затряслись, будто обрезанные крылья.

Незнакомый господин невозмутимо стоял над ним — не шелохнувшись, не дрогнув ни единым лицевым мускулом. Видимо, он просто очень хорошо знал людей, и понимал, что слова утешения здесь вовсе неуместны, а для слов понимания время еще не пришло.

Господин просто стоял и ждал. И, конечно же, ждал он не напрасно.

Действительно: когда очищающие слезы окончательно потушили горький пожар

жалости к себе, слова, отпущенные на свободу, потекли неудержимой рекой.

— Вы не подумайте... Я не жалуясь. Я никогда не жалуясь. После смерти матери слушать мои жалобы уже никому не интересно. И вам, естественно, тоже. Да, архитектурная академия — прекрасно! Блестяще! Вот только одно «но», герр учитель. Странно, но туда не принимают без аттестата зрелости. Нелегко расти болезненным мальчиком, которого ранит любое острое слово... да. Она уговаривала меня... Она говорила, что надо закончить... Даже матушка. Даже она не смогла меня понять.

— Ты не любил учиться? — догадался господин. — Потому и не сумел окончить основную школу?

— Ненавидел. И не закончил, — тут парень шмыгнул носом. Поднял вверх заплаканное лицо. — Но не потому, что не любил учиться.

Тогда господин неожиданно для молодого человека сел напротив него на корточки, прямо перед мокрым покрасневшим лицом — отчего взгляды встретились родственно и тепло — и проникновенно сказал:

— Да. Я понял. Я понял это сразу, как только увидел твой рисунок. Ведь на нем нет людей. Ни одного человека, мой мальчик. Ни одного.

На секунду в серых глазах юного художника промелькнул страх. Ему показалось, что в это мгновение он сделал себя прозрачным как стекло. И еще — что стена в глазах незнакомца не столь уж глуха и непроницаема.

— Это — плохо?.. — тревожно, тихо спросил юноша у этих странных глаз.

Но незнакомец ничего не ответил.

— Скажите, черт возьми: это — плохо?!

Художник вскочил, и его злой вызов сорвался на детский обиженный дискант.

— Плохо?!

Незнакомец улыбнулся, теперь уже сам глядя на парня откуда-то снизу, сквозь пелену незаметно подкрававшихся сумерек.

— Я не знаю, — небрежно пожал он плечами. — Но кое-что знаю наверняка: врать самому себе — действительно очень и очень плохо.

— Врать... Врать, — медленно произнес юноша, словно пробуя это слово на вкус. — Черт вас возьми, герр учитель. Вот заведи вас дьявол. «Врать». Да если бы вы только знали... Знали, на что я согласен... На что я готов ради этих вшивых несчастных бродяг... ради этого убогого, слабого, нищего духом стада! Знайте, герр учитель: да я просто задыхаюсь от любви к ним! Задыхаюсь — от любви к людям! Я могу — я хочу — я способен дать им такое... такое, чего они еще никогда не видали в своих серых, задымленных, тупых и примитивных снах!!! За это я гною себя во вшивых ночлежках! Только за это! И я никогда не сделаюсь сторожем и маляром, потому что я могу... нет, потому что я стану! — великим гением, какого еще не знала моя страна!!!

Дикий крик спугнул голубей, присевших было на соседнюю скамью, и кто-то шарахнулся прочь с недоуменным: «Сумасшедший!»

В ответ на эти удивительные слова неизвестный господин поднялся с земли и невозмутимо заметил:

— Именно поэтому ты уже четыре года уклоняешься от воинской повинности этой самой стране, мой друг?

Такое неожиданное обвинение заставило художника отступить назад и медленно осесть на скамейку.

— От... куда?.. — только и смог вымолвить он, посерев лицом. — Я ведь даже...

— Даже себе не решался в этом признаться? — ласково закончил за него незнакомец.
— Ай-я-яй. А я — разве я не об этом только что сказал?.. Никогда не лги себе. Никогда. Ибо лишь в этом случае люди станут тебе верить.

Художник молчал, изумленно уставившись на господина, не зная, как понимать — да и возможно ли вообще понимать? — все это, а незнакомец принялся прохаживаться перед ним туда-сюда. И говорить.

Он как лектор шагал перед юношей... перед его скамейкой... перед упавшим этюдником... иногда невзначай наступая на брошенный и обоими позабытый рисунок.

Слова говорившего были остры и холодны, как лезвие бритвы.

— Честность. Только честность. К себе. Безусловно и в первую очередь. Ты можешь кричать и шептать на ухо этим идиотам все, что взбредет в твою голову... но себе самому не лги никогда. Далее. Идея. У тебя должны быть твердые идейные убеждения. Твердые, четкие и прямые, как копья. Мир сделался столь изнежен и мягкотел, что они проткнут его насквозь, будто свежее масло. А что за идея?.. ну, тут уже на твой вкус. Что угодно. Только бы это было приятно слушать... И обязательно найди им врага. Ничто так не сплотит их, как общий враг. Что еще? Ну да, конечно. Жалость. Это слово ты вообще должен забыть. Оно не для нас. Потому что этим глупым именем люди называют трусость. Да, и, кстати — о трусости: ты сам-то уже понял, почему уклоняешься от воинской службы?

Неизвестный испытующе глянул на онемевшего юношу, и тот осознал, что просто не может не ответить.

— Я... я боюсь. Да. Боюсь, — голос прошелестел будто бы сам собою.

— А чего?.. Ну же, не робей. Скажи это вслух. Давай, положим всему верное начало! Итак, «я боюсь...»

— Я боюсь... боюсь... смерти.

Парень ожидал чего угодно, но только не этого. Господин, остановившись перед ним, саркастически расхохотался в лицо:

— Ну и болван!

Отсмеявшись, незнакомец сделался суров. Он веско проговорил:

— Да, ты самый настоящий болван. Разве ты не знаешь, что избранные — бессмертны?

— Из... збранные?

— А как ты думал?.. Ты что, полагаешь, будто Великая Мечта приходит в голову просто так? Ни с того, ни с сего? Конечно же, ты избран. Ведь у тебя она есть. Великая Мечта. Верно?

Художник совсем смутился и потупил глаза.

— Я не знаю, насколько она велика, герр учитель... я просто хотел... я всегда хотел построить город. Великий... великий и прекрасный. Город, какого еще не знал мир. Я хочу, чтоб он был похож на сон Бога.

— И ты построишь его, — страшно, грозно произнес незнакомец. — О, да. Ты его построишь. Конечно, если всем своим сердцем и мозгом уверуешь в то, что ты — избран.

— «Уверуешь»... — пробормотал юноша. — Но как??

— «Как...» А вот для этого непременно надо испытать себя. И ты вот возьми да и испытай. В чем дело? Испытай. Или сгниешь заживо в своей ночлежке. Брось себе вызов. Победишь свой страх — значит победишь смерть. И смерть от тебя побежит. А ты пойдешь в вечность. Великий, бессмертный и незабвенный... самый известный из всех сынов своей родины... Хочешь, чтоб на этом, — тут незнакомец презрительно ткнул пальцем в направлении триумфальной арки, уже занавешенной ночью, — написали твое имя?.. Или — нет, даже не так: ты хочешь сам снести это убожество и на его месте воздвигнуть свои собственные Ворота Победы? И своей собственной рукой написать на них свое имя?.. Тогда запомни накрепко, молодой человек: для этого вовсе незачем становиться великим архитектором... Вовсе незачем.

Сказав это, незнакомец, который давным-давно сделался просто черным ночным силуэтом, тихо усмехнулся и пошел прочь.

А позади него остался сидеть на скамье растерянный мальчик со своим позабытым этюдником и с заброшенной акварелью.

Только сейчас молодой художник осознал, что его работа валяется на земле. Он уже протянул было к ней руку, как вдруг услышал — еле слышимое. Еле долетевшее.

— Йёрг Ланц фон Либенфельс. Запомни. Йёрг Ланц фон Либенфельс.

И больше художник ничего не слышал.

Несколькими днями позднее парень все-таки продал свою картину, которую настоящий заказчик так и не дождался. Вырученные деньги были совсем небольшие... и их во что бы то ни стало надлежало истратить правильно.

Юноша, опустив мелочь в свой тощий карман, еще некоторое время колебался. Но лишь некоторое время. В конце концов он, справившись с собой, решительно переступил порог журнального киоска.

— Мое почтение, фрау. Могу я узнать у вас, кто такой Йёрг Ланц фон Либенфельс?.. И что я могу у него прочесть?

А мимо уже окончательно и безысходно пролетал 1913 год... последний год перед началом конца. Как всегда — никем не понятый и никем не замеченный. Один из многих в череде бесконечных лет.

И только сумрачный незнакомец, незримо стоящий на самой вершине триумфальной арки в тихом уютном городе Мюнхен, смотрел ему вслед со знанием дела.

Да. Это был тот самый случай, когда один-единственный разговор и одно-единственное решение одного-единственного и вполне заурядного человека навечно и безвозвратно изменили судьбу всего человечества.

Право свободного выбора.

Оно — наше благословение. Оно — наше проклятие.

Это право надлежит всегда использовать правильно.

Безусловно, теперь глупому художнику незачем бояться смерти. И его самоиспытание заведомо обречено на успех. Начитавшись трудов сумасшедшего отца Йёрга, с которым неизвестный уже давным-давно и весьма плодотворно побеседовал, художник может смело записываться добровольцем и выходить на передовую. Незнакомец отныне станет бережно и ревностно охранять его. Потому что в данном случае одна-единственная спасенная жизнь будет стоить ему многих и многих миллионов смертей...

Но конечно сам художник все-таки бессмертным не стал. Дьявол — он никогда не врет. Он лишь может ввести в заблуждение. Ну а имя, имя паренька и вправду двинулось в вечность. Каждому человеку, услышавшему словосочетание «Великая Германия», это имя автоматически придет в голову самым первым.

И, я полагаю, оно давным-давно тобой угадано... Потому я и не стану его называть.

* * *

У Бога во всем заведен свой порядок. Не всегда понятный и приятный нам, но с которым волей-неволей всем приходится считаться.

Впрочем, выбор есть всегда. У всех и у каждого. Разумеется, есть он и у тебя.

Не желаешь считаться с правилами — прими твердое решение, что ни их, ни Того, Кто их раз и навсегда установил, попросту не существует.

В самом деле: а зачем Ему существовать?.. Какая тебе в Нем надобность?..

Ты много раз мысленно обращался к Нему, пытаешься установить с Ним контакт, словом, как-то связаться... прося то... требуя это... валяясь перед Его величием в униженных слезах и страстных молитвах, а Он в это время где-то сидел, всезнающий, всемилостивый и всемогущий, — каков ведь, а? — и даже не соизволил скрутить тебе с небес свой божественный шиш.

Так зачем Он — тебе? Какой в Нем смысл? Ведь ты все равно никогда не видал от Него ровным счетом ничего хорошего...

Однако и завязав свои глаза, ты все равно никогда не сможешь этим нелепым жестом

отменить ни единого, даже самого простенького правила.

Одно из многочисленных и неумолимых правил Господа заключается в том, что за одним годом неизбежно следует другой.

Полагаю, ни для кого не секрет, что за 1913-м годом наступил год 1914-й.

Что это был за год?.. О, в середине сего знаменательного, рокового и важного 1914 года очень и очень многие люди в мире узнали, на что похож ад.

Конечно же, Первым этот ад был назван только тогда, когда воспоследовал Второй...

Ну, а покуда он — сожравший более двенадцати миллионов жизней, и еще больше миллионов судеб, уничтоживший четыре величайших империи мира — именовался просто Великим. Строго говоря, и Великим-то ад стал зваться лишь после своего завершения. Когда сделалось возможным в полной мере охватить весь его ужас и масштаб... Сейчас же, повторюсь, он только-только начался.

Желаешь ли ты в этот жуткий 1914-й год прогуляться еще по одной старинной улице, проложенной неизвестно когда и неизвестно кем — в одном из самых странных и загадочных городов мира?

Раньше всего: нет, в этом городе не существует, и, более того, даже и никогда не существовало никаких Триумфальных Арок. Страна, в сердце которой раскинулся этот город, очень редко желала войти в чьи бы то ни было ворота с триумфом. А вот в нее саму войти пытались. И не раз... Но, повторюсь — в упомянутом городе так и не построено ни своих, ни чужих Ворот Победы. Правда, в нем есть очень красивый замысловатый собор. И с этим собором связана пренеприятнейшая легенда... Но мне

сейчас не очень хочется, да и незачем, слава богу, ее вспоминать.

Воздух данного города ты никогда не назовешь пьянящим. И вообще сам город никогда в жизни тебя не опьянит. Хотя и кабаков, и других разгуляй-заведений в нем во все времена было предостаточно.

Но — удивительное дело! — этот город испокон веков будто магнитом тянет к себе самых разнообразных и самых неоднозначных людей. Они вступают в него как в бурлящую реку жизни, приходят на его древние камни, выкрикивая оттуда в глуховатый и стылый воздух что-то свое, не всегда и не всем понятное... и от этого пришельцы становятся похожими то на Христов, то на Иуд, а то и вообще черт знает на что. Да так навечно в этом страшном городе и застревают.

В чем магия данного заколдованного места?.. Быть может, просто в том, что лицо непонятного диковинного города столь подвижно, изменчиво и разнообразно, что ты всякий раз узнаешь в нем свое собственное?..

Не знаю.

Однако, как бы то ни было, отсутствие точного ответа никак не мешает мне снова сделать тебя прохожим, читатель.

* * *

— А вот повороты, повороты здесь, милой!.. Э-эх, да чтоб с ветерочком!

Пьяный крик развеселого повесы, для пущей удали вставшего во весь свой бесшабашный рост в извозчичьей пролетке, походил на жизнеутверждающую матерную частушку.

Рысаки пряли ушами и фыркали на морозе, а лихач-извозчик радостно хлестанул кнутом их гладкие бока в предвкушении серебряной полтины.

И лошади понесли — еще стремительней, еще разухабистей — и полетели по ветру распахнутые полы дорогого пальто, вместе с запахом водки, мороза, одеколona и цепкого ресторанного духа.

Вслед лихачу мельком глянул парень лет семнадцати, идущий в людской толпе куда-то по своим делам вдоль Охотного ряда — этой невеликой, но славной улицы с двумя гремящими на всю златоглавую трактирами Егорова и Тестова.

У парня не было никаких причин долго заглядываться на хмельного гуляку. Да и нам делать это не имеет никакого смысла. А вот к парню советую присмотреться.

Конечно, теперь ты первым делом захочешь поглядеть на его руки... И, увы! вероятно, будешь разочарован.

Красные от холода ручищи парня ничего такого особого в голове не порождают. Обыкновенные рабочие руки — какого-нибудь мастеровитого сапожника или скорняка. Видно, что они с самого нежного возраста не знакомились со словом «праздность». Даже заочно. Глубокий рубец на левом мизинце, какой бывает, скажем, от серпа или косы. Непреходящая огрубелость ладоней — вечная память о каких-либо еще нехитрых сельскохозяйственных орудиях. В цепких пальцах прочно сидит ремесло во всех его формах и видах, и с первого взгляда делается ясно: за какое бы дело обладатель этих рук не взялся, они непременно выполнят это дело хорошо. И всенепременно доведут до победного конца. Ведь простая, прямодушная, бесхитростная и сноровистая сила пришла к рукам из самой земли, которую многие поколения предков этого человека

распахивали и засеивали.

Тут же непроизвольно проносится перед глазами смутное видение: перышком летающие пятипудовые мешки с зерном, или за хвост единым рывком посаженная на круп изумленная лошадь.

А если так уж непременно пожелается вообразить эти руки где-либо еще — кроме как за кропотливой работой — то уместнее всего представить их отвешивающими знатного тумака.

Да, наверное, это все не особо интересно.

Ну что же касается лица...

Лицо этого юноши составляет самый полный и резкий контраст с обликом уже печально известного нам незадачливого живописца. Просто-напросто невозможно разыскать на свете два других лица, столь же противоположных.

Все, что обличает слабость в первом — во втором обличает силу.

Смелый, открытый взгляд. Не то волевой, не то упрямый подбородок. Немного, пожалуй, заносчивый лоб... Больше гордость, нежели гордыня. Скорее уверенность в себе, чем самоуверенность. Но вот что под этим лбом? Самолюбие или самоуважение?.. А что в глазах? Жесткость или жестокость?

Словом, лицо не в полной мере однозначное.

Хотя одно можно утверждать вполне определенно: этот терзаться сомнениями ни за что

не станет. Или станет?

Данный вопрос был наипервейшим из всех, заданных самому себе неким наблюдателем, с интересом отследившим путь молодого мастера в толпе. Нельзя сказать, чтоб этот некто очень уж приободрился от результатов своего наблюдения. Но видимо особого выбора у него не имелось. Для полной реализации всех намеченных задач нужно было непременно своротить этого юношу с его прямого пути.

Во что бы то ни стало.

Потому как он торчал неуместной, строптивой и вредной палкой в хитро заверченном и уже отпущенном под откос колесе.

Снег летел и сыпал в лицо крупной солью, крошками окоченевших облаков падал под усталые ноги. Сухо хрустел, уминаемый валенками.

Вдруг, неожиданно для самого себя, этот хруст оборвался и замер на месте как вкопанный.

— Страшно? — раздался прямо над ухом холодный уверенный голос.

— Страшно, — даже не задумываясь, ответил молодой мастер, безотрывно глядя куда-то в недра людской каши.

Из серой массы выбился и медленно проковылял мимо стоящих какой-то малый в солдатской шинели. Вероятно, один из тех желторотых глупцов, кто не так давно, пылая детским и наивным патриотизмом, поддался романтическому порыву, внял пропаганде... и безрассудно удрал на фронт добровольцем. А теперь получил за это все, что ему причиталось.

Да, романтикой тут не пахло. Бывший фронтовик еще и не пожил как следует на белом свете, а вот уже, можно сказать, и отжил. Хромающий искореженный обрубок человека — без правой руки. Без будущего, и без всякой надежды на него.

Калека прошел мимо, а парень так и остался стоять возле угла небольшой церквушки Параскевы Пятницы, странной полуязыческой святой, издревле покровительствующей торговцам и благоразумию. Мастер был просто не в силах оторвать взгляда от удаляющейся согбенной спины.

И задуматься оказалось вовсе не холодно. Угол церкви как будто отрезал мастера от улицы, ветра, мороза и всего остального темнеющего и толкотливого города.

Тогда от стены храма отделился невысокий человек неопределенного возраста в поношенном офицерском обмундировании и подошел поближе.

— Да, все верно, — кивнул он юноше. — Помирать — не страшно. Все померем когда-нибудь. Но если вот так... то действительно очень страшно.

Парень на это ничего не ответил, лишь внимательно и пытливо посмотрел в смуглое худощавое лицо офицера.

Лицо подошедшего также несло на себе очевидный — пожалуй, даже слишком очевидный и циничный — отпечаток войны.

Трудно сказать, что за ранение послужило причиной таких вот страшных шрамов. Однако правая половина лица незнакомца уже с трудом могла именоваться человеческой.

Офицер видимо прекрасно осознавал всю силу впечатления, производимого на людей собственной внешностью. Но, тем не менее, спокойно подставил себя взгляду молодого мастера. Спокойно, без малейшей тени стыда, отчего его безобразие стало напоминать величие.

— Да и потом — за что?.. — продолжил он свое обращение к молодому человеку, словно бы жуть увиденного сделалась лишь дополнительным доводом в пользу правоты говорившего. — За что? Ну, я понимаю, если кто богатый, состоятельный... Ему есть, конечно, за что. Есть что потерять, если они придут. А голому? Что терять голому — кроме как руки-ноги да голову?.. И — за кого? За тех, кто всю жизнь одними щелчками кормил?..

Тут мастер не выдержал, отвел взгляд. Нет, юношу несколько не смутило уродство офицера, и не изумило то, что незнакомец столь легко прочел все его мысли. Эти мысли действительно угадать было совсем нетрудно.

Судя по всему, опустить глаза в землю заставило само их содержание... да еще и высказанное вслух кем-то посторонним.

Офицер еле заметно улыбнулся кончиками губ и приблизился еще.

Он ободряюще похлопал юношу по плечу. Проговорил совсем тихо:

— Здесь нет ничего стыдного. Во всяком случае, для тебя. Посуди: ежели сын богатея получит контузию, его всегда найдется, кому содержать. Богатому сыну состоятельного отца позволительно иметь в голове всяческую благородную придурь. На то его тятка,

собственно, чужие спины и горбил — чтоб потом наследник дурью помаялся... А ты, я вижу, совсем не таков. Собственным трудом в люди вышел. Вон какой молодой, а уже, по всему видно — не ученик, подмастерье. Своим умом живешь. Небось, и копейку трудовую имеешь. Да и любушку какую, а?..

Тут незнакомец добродушно подмигнул, улыбаясь. Парень покраснел и окончательно стушевался. Но, тем не менее, он довольно быстро справился с собой и вновь поднял на офицера глаза, блеснувшие одновременно вызовом, недоверием и любопытством.

— Верно вы все говорите. Прямо как Федор Иванович, мастер мой. Должно быть, хорошо людей знаете. Да только к нему я сам подошел. И сам совета спрашивал.

Офицер на это только одобрительно крякнул:

— Вот видишь, все я сказал тебе как есть верно. Своим умом живешь. А так и нужно. Кто ж еще за тебя-то жить да думать станет? Только советом добрым никогда попусту не бросайся. Особенно, если кто знающий дает. А уж поверь, никто тебе ни про мир, ни про войну лучше меня не расскажет.

Парень улыбнулся косо.

— Да уж это-то я понял... Сразу понял. Не понял только — зачем.

— Зачем? Эх, ты... Малый, неразумный. Вы ж мне все как дети. И сколько я вас таких видал-перевидал? Вот и на тебя сейчас глядел. Гляжу — идет. Молодой, бойкий, видный. Ворон не ловит — думу думает. Ну и, вижу, задумался совсем. Загляделся добрый молодец... на то, что подобные вот думочки с людьми творят. А уж сами-то думы ваши я знаю распрекрасно. Подавай вам кавалерию, с шашкой наголо, да с песней, да чтоб пыль из-под копыт. А потом эти самые копыта — по вам. По вам. По спинам, да по башкам пустым.

Офицер сплюнул на снег. И теперь уже сам испытующе впился в лицо юноши:

— Но у тебя-то, гляжу, не вовсе пустая башка. Не пустая, раз призадумался.

— Призадумался, — подтвердил парень легким кивком, не глядя на офицера. — Давненько уж призадумался. С тех самых пор думаю, как меня дядькин сын на фронт сманивал. И он тогда пошел. А я — не пошел... Не пошел. А вчера вернулся Сашка. Теперь до конца дней недоумком ходить будет.

— Вот-вот, — согласился офицер. — И я про это же. Гроб сосновый не тяжел — его не ты понесешь. А вот сума-то холщевая... ой, брат, как тяжела. Да и не просто тяжела ведь... а срамна. Вот что страшно.

— Страшно, — снова глухим эхом повторил молодой мастер, смотря при этом куда-то внутрь себя.

Он помолчал немного, а потом произнес — без особого выражения:

— Это — страшно, да. Но и пострашнее кой чего есть на свете. Был я как-то дома в деревне на побывке. И в это время в соседней — в Костинке — случился большой пожар... Полдеревни сгорело в три часа. Старики плачут... бабы воют. Дети малые ревут. Страшно.

— Ну и что? — скривился неизвестный. — Ты-то тут причем? У тебя свои родители наверняка имеются. Которые, между прочим, тебя, балбеса, с голоду опухнув, в люди вывели... Им-то ты живым-здоровым, да с денежкой в кармане — гораздо поболее пригодишься.

Парень склонил голову на бок, разглядывая грязный снег, утопанный многочисленными прохожими.

— Пригодиться-то оно конечно, пригожусь. Да вот только все мучает вопрос: зачем же они тогда меня в люди-то выводили?..

На это неизвестный в первый раз за все время разговора ничего не сказал. Не оттого, что не имел по этому поводу собственного мнения. А просто потому, что не имел права его высказывать.

Ответ на этот вопрос всегда должен находить исключительно сам спрашивающий.

Сам — и без чужих подсказок.

Словно почувствовав это, юноша повторил свой вопрос:

— Так зачем же, ваше благородие?.. Затем, чтоб пил, ел, спал?.. Денежки чтоб копил на безбедную старость?.. Не жил, не жил, а тут дорвался и пожил?? А чем же я тогда выйду лучше того, кто давеча в пролетке куражился? А?..

И на это неизвестный также ничего не ответил.

Странный офицер постоял еще несколько времени, будто заново изучая молодого человека, потом посмотрел себе под ноги, и наконец недоуменно пожал плечами:

— Но за что?! За что? Не понимаю. Не постигаю. Неужели — вот за это?

Тут носок хромового сапога глухо стукнул по мерзлой заснеженной земле.

— Выходит, что за это, — немного смущенно развел руками парень.

— За кусок черного перегоня? За дорожную пыль?.. Это смешно.

— Странный вы все-таки, ваше благородие, — прищурился молодой мастер на неизвестного. — Я думал, понимать должны такие вещи. Не за пыль, конечно. Не за пыль... Но за тех, кто ее пашет. И кто в ней лежит. Если не за это умирать, то за что ж тогда вообще жить?..

Неизвестный офицер зло скрипнул зубами, но справился с собой и любезно осклабился:

— Стало быть, таки все решил?.. И видать, уже не страшно?

— Страшно, конечно. Но, наверное — да. Я решил.

— Ну, что ж... Что тут скажешь? Молодец. Настырный. Уважаю. Выйдет, парень, из тебя толк.

Незнакомец негромко сказал это в ледяной вечерний мрак и невидяще посмотрел куда-то поверх головы молодого человека:

— Далеко пойдешь. Далеко.

При этом лицо неизвестного вдруг сделалось как никогда пугающе и темно, однако столь же неожиданно и просветлело:

— Но в таком случае выслушай еще один добрый мой совет, — проговорил он вдохновенно, будто бы осененный некой блестящей идеей. — Ступай-ка ты сразу в офицерское. А? В школу прапорщиков. Зачем тебе простым-то солдатом? Ты ж явно парень смысленый. Ведь сможешь?

— Ну, навряд ли смогу, — медленно проговорил юноша. — Я ведь четырехклассное училище в Газетном переулке окончил...

Видно, что молодой человек вроде бы как обрадовался предложению неизвестного. Во всяком случае, подобная мысль ему самому в голову еще не приходила.

— Вот и замечательно, вот и замечательно, — опять приободрился неизвестный, заглядывая в глаза призадумавшегося паренька. — Командир из тебя выйдет — просто ах. Любо-дорого. Подумай: в девятнадцать лет — и уже командир. А кем же тогда в тридцать-сорок станешь?.. Ну, а я со своей стороны обещаю: пригляжу за тобой, пригляжу. Понравился ты мне. И направлю, и поправлю, где надо будет.

Эти слова сразу же отрезвили юношу. Лицо окаменело, будто с размаха получил по лбу.

Угрюмо выронил:

— Не надо. И не пойду ни в какое офицерское.

— Отчего ж так? — забеспокоился неизвестный. — В себя, что ли, не веришь?

Посмурневший подмастерье ответил не сразу. Видно, что и ответить-то его принудило лишь врожденное уважение к старшим.

— Не гоже это — через ступеньки скакать, — наконец вымолвил он жестко и неприязненно. — Плохой совет подаете, ваше благородие. Только скакать начнешь, так сразу, пожалуй, и доскачешься. Хорош буду — ничего себе, конечно. С учебной скамьи, молокосос, жизни не нюхавший — и бородачами обстрелянными командовать?.. не пойдет. Не выйдет. И не нужно мне никакой протекции. Сами ж, ваше благородие, милостынькой недавно пужали. Что мое, то сам возьму. А чужого не надобно.

Бросив это, парень окончательно отвернулся от неизвестного и пошел прочь.

Потому-то он, разумеется, и не видел, как мнимый офицер мстительно, тяжелым ядовитым взором буравит его широкую, навсегда удаляющуюся спину.

Конечно же, в жизни у парня должен был обязательно состояться еще один разговор. Ведь выборы такого рода всегда совершаются обдуманно, взвешенно, четко и совершенно сознательно. В данном конкретном случае — еще, к тому же, раз и навсегда.

В связи с большими потерями на фронте в мае 1915 года был произведен досрочный призыв молодежи 1895 года рождения. Стало быть, подходила очередь и нашего молодого скорняка.

Хозяин, весьма ценивший его по работе, пригласил паренька в мастерскую и тихо сказал:

— Если хочешь, я устрою так, что тебя оставят на год по болезни... и, может быть, оставят по чистой.

— Я здоров. И могу идти на фронт, — без особого энтузиазма, но твердо и вполне однозначно ответил юноша.

— Ты что, хочешь быть таким же дураком, как Саша? — невольно озлился хозяин.

— Обязан защищать Родину. По своему долгу.

На этом разговор между мастером и его подмастерьем был закончен.

И больше никогда не возникал.

Вы спросите меня — при чем же тут Бог?..

Действительно: Бог здесь вроде как и не при чем. Навряд ли молодой скорняк вообще в Него когда-либо всерьез верил.

Он не верил в Бога... Однако, — и это несомненно! — Бог поверил в него. Ну а парень, он просто ни разу не заставил Его раскаяться в этом.

Где доказательства?.. Хотя бы уже одно то, что когда в стране полномасштабно развернулись страшные события, при которых действительно куда уместнее оказаться солдатом, нежели офицером, молодому человеку явно и очевидно сопутствовала удача. Преодолев искушение тщеславием, он избежал тем самым и расстрела, и эмиграции. А подорвавшись однажды на вражеской мине, он, конечно же, не избежал тяжелой контузии, однако верной смерти все-таки избежал.

Молодой человек всегда и всюду избегал ее и впредь — даже когда давным-давно перестал быть молодым человеком, а вокруг слетали крепкие головы и переворачивались самые высокие и устойчивые кресла. Когда один только неправильный взгляд не с того ракурса и не в ту сторону мог стоить человеку жизни.

Хотя, быть может, Бог здесь и вправду не при чем... но уж тут я ничего не могу сказать наверняка.

А что касается пресловутого бессмертия избранных...

Народ, в пользу которого молодой подмастерье однажды истратил собственное бесценное право свободного выбора, выстроил парню самую лестную, самую почетную, а также — надеюсь, — и самую долговечную Триумфальную Арку. В собственной своей народной памяти.

Нет, его имя не приходит в голову самым первым, когда кто-либо говорит вслух слова «Великая Россия». Слишком уж много имен с самой различной славой связано в мире с этим словосочетанием.

Но каждому, говорящему на одном языке с этим пареньком, его имя непременно постучится в память, как только кто-либо рядом произнесет слово «Победа».

Великая Победа всегда самым естественным образом прорастает из малой... из будничной. Возможно даже никем и не замеченной и не оцененной — кроме тебя самого. Но она доступна всем и каждому. Близка и понятна тому, кто хотя бы раз в

жизни одержал верх над собственной слабостью.

«Это был человек, который никогда ничего не боялся» — согласишься, такую характеристику современника приятно заслужить.

Ну, а если тебе все же непременно хочется знать, чем во время таких вот малых и великих побед занят Тот, Кто никогда и ни во что не вмешивается, то тебе будет любопытно отметить следующее.

Странно, но тем же самым именем, что и мальчишка-скорняк, зовется также и другой юноша-победоносец, уже проскакавший однажды на белом коне в незапамятные времена. И также точно, как и его тезка, пронзивший своим копьем другого — не менее страшного и могущественного, но все ж таки уязвимого в открытом единоборстве — ядовитого черного змея.

А далее еще загадочней: этот самый тезка-победоносец, согласно одной из старинных легенд, перед своим змееборческим подвигом поступил на военную службу к жестокому римскому императору и весьма отличившись на этом поприще умом, мужеством и физической силой, стал одним из наиболее ценных его тысяченачальников.

Ну и — что уж совсем непонятно — изображение змееборческого подвига юноши с изначальных пор красуется на гербе того самого заколдованного города, в котором как раз и состоялся описанный мною диалог. Более того, славный юноша считается покровителем и защитником этого города от первого дня его основания...

И именно в этом городе позднее произошло еще одно, более громкое и более кровавое

сражение, в котором все лица, заинтересованные в исходе данной битвы, также приняли самое деятельное участие. Включая, разумеется, и Того, в существовании Которого все неизменно сомневаются.

Однако на что в таком случае придется списать все эти непонятные и удивительные странности, остается только гадать.